

ЭЛЕКТРОННАЯ
БУКВА 2023

ШОРТ-ЛИСТ

Литрес

ВИТАЛИЙ МУЗЫЧЕНКО
ЖИЗНЬ ЛЮДЕЙ ГЛАЗАМИ КРОЛИКОВ

Виталий Музыченко

Жизнь людей глазами кроликов

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=69279985

SelfPub; 2023

Аннотация

Известный шеф-повар везет кролика на другую половину земного шара. Везёт чтобы приготовить своё лучшее блюдо. У домашнего питомца есть ошейник, поводок и имя – Поки. Путешествие, которое изменит жизнь героев и людей, встречающихся на их пути. Полный синопсис будущего фильма, написанный в виде рассказа. Автор предлагает вам увидеть своё новое кино, чуть раньше, чем оно выйдет в прокат.

Виталий Музыченко

Жизнь людей

глазами кроликов

«Путешествие закончится, когда подадут соус»

Тесак

Солнце палило, нагревая покрытую мхом черепицу старинного, затертого временем, каменного дома. Для девяти утра было слишком жарко. У стола, когда-то видевшего множество гостей из прошлых веков, стояли два человека. Один был не так уж стар, но имел мировоззрение и привычки старого человека. Месье Саджер. По имени его давно не называли, так как люди, знавшие его имя, почти исчезли. Для соседей и клиентов он был месье Саджер, а для человека, стоявшего рядом... Для человека, стоявшего рядом, он был отцом. Родителей редко окликают по имени. Папа или мама. Или уважительно – отец. Но человек, бывший в тот момент у стола рядом с месье Саджером, использовал местоимения. Либо начинал фразу, никак не обозначая своего близкого

родственника.

— *Мне нужны кролики*, — тихо, прося, даже заискивающе, сказал он.

Это был Клод. Ему 44 года. Белая, хрустящая новизной сорочка с закатанными рукавами. Короткие брюки и мокасины. Казалось, рядом должна покачиваться на мелких портовых волнах яхта. Но до моря было около полутора сотен километров, и вместо лодки стоял новенький мерседес.

Кряжистая рука его отца, громкая и больная в суставах, нащупала крышку большой плетёной корзины. Над столом возник кролик. Рука, по привычке десятилетиями повторения, чуть приподняла животное и с точно рассчитанной силой ударила его спиной о столешницу дубового стола. Кролик замер. Эволюция защищает диких кроликов от страдания, как только, нагнанные и опрокинутые, они оказываются на спине перед пастью хищника. Их домашние потомки унаследовали эту покорность. Они перестают чувствовать боль. Достаточно слегка ударить их спиной о любую поверхность. Этим пользуются ветеринары и ученые, обучая студентов и экономя на обезболивании перед опытами. Это знал и месье Саджер. Сейчас он был фермером, производящим лучшую крольчатину в Провансе. Его сын, шеф-повар, получивший месяц назад первую звезду Мишлен, стоял рядом. Месье Саджер поднес тесак к носу кролика, тот заработал ноздрями, выискивая знакомые запахи. Клод знал, что будет дальше, и, спасая свою белую рубашку, сделал шаг на-

зад.

– *А это кто? Утки? Хм,* – ответил фермер и одним ударом тесака отрубил кролику голову. На плотной древесине дубовой столешницы появилась очередная чуть заметная насечка и немного крови. Тело кролика разделилось – тушка полетела в старый медный таз, а голова в жестяное ведро с потрескавшейся эмалью.

– *Кролики,* – почти прошептал под нос Клод, проверяя, нет ли пятен крови на его рубашке.

– *Вот, делали. Камень, а не стол! Царапина – и всё!*

– *Мне... Они нужны живыми. Я сам... Убью,* – Клод вышел из-за спины отца. Опасность испачкаться кровью миновала.

Месье Саджер громко и от души засмеялся. Смех длился и длился. Настолько долго, что в провинциальном театре режиссер остановил бы актера, играющего старика: «Так не бывает». Бывает. Было. Жизнь иногда оказывается куда контрастнее многих постановок, копирующих ее. Старик потешился над сыном и хриплым голосом извлёк звук. Откуда-то, из самих легких. Тоном, выразившим их сорокачетырёхлетние отношения:

– *Ты?*

– *Да,* – робко ответил Клод.

– *Руби! Вот тесак.*

Отец передал сыну старый стальной тесак, с полированной каштановой ручкой, и извлёк из корзины очередного

кролика. Удар о стол, и вот животное уже лежало покорно, ничего не ожидая от жизни. Клод водил взглядом. Белая рубашка. Тесак. Белая рубашка. Тесак.

— *Это моя, слышишь? Звезда. Руби. Моя. Руби, говорю. Её дали за лиловые пенки из сифона? Да? Н-е-е-т! За вкусы крольчатины. Я их кормлю... Нет, я их люблю!* — месье Саджера начало заносить, и он повышал и растягивал голос, все больше возбуждаясь от собственной речи. — *Их, тебя, всех люблю! Поэтому... они даже здесь...* — месье Саджер смотрел на кролика и подбирал слово, — *счастливые! Счастливые кролики — сладкая крольчатина, разве это не понятно? Вот! Лежит на спине и радуется,* — продолжил он. — *Я им с этого тесака... Не мою. Морковь порублю, капусту. Приучаю. Они знают его запах.*

Фермер забрал у сына из рук тесак и приткнул к носу кролика. Животное поводило ноздрями, морща розовую кожу носа и приводя в хаотичное движение рыжие усы. Тесак вернулся в слегка дрожащие руки шеф-повара. Острый любимый нож возник в его памяти. Почти невесомый. Он быстро справлялся им с тушками любой дичи. Находя, элегантно срезая с них лучшее для своих гостей. А сейчас в руке тяжелый безобразный тесак. И эти шевелящиеся розовые ноздри в метре от металла.

— *И любят этот тесак, как и морковь. Для них это одно и то же. Руби же, он ждёт!* — приказал отец своему сыну.

Кролик смотрел на двух говорящих существ и ничего не

думал. Вся его жизнь прошла в клетке, размером не сильно превышающим его собственный. Вся его жизнь состояла из запахов: старика, еды и экскрементов. Он лежал на спине, не в силах пошевелиться. До слуха долетали звуки, но из них он понимал лишь два: «морковь» и «люблю». Они означали сытость и ласки. Рука в белой рубашке взмахнула и приблизилась к нему вместе с тесаком.

Боль в ухе! Слабость ушла. Мгновенно. Теперь инстинкт толкал его задние мясистые лапы с невероятной силой.

– Ха! Вот, что ты смог, – разочарованно сказал отец сыну. – Поранить ухо и сделать из него зайца. Смотри, драпанул! Первый раз такое вижу. Хоть лапу отруби, не шевелятся.

Месье Саджер хохотал. Клода же потрясывало. Всё, на что у него хватило сил – осмотреть свою рубашку. Отец обнял сына щедрым жестом. Он так делал всегда. Всю их жизнь. Наказывал, а затем ласкал. Это была уже не привычка, это был приобретённый инстинкт обоих мужчин, похоже, нужный обоим.

– Не переживай. Выродок. Не жирный, уши наполовину чёрные. Нужно сменить матку. Мясо чуть хуже, но не сильно. Не попался бы инспектору. Они ведь приходят. Когда уже дали... Не официально. Пьер говорил: «Смотрят. Не зазнался шеф?». Но, так... Так... раньше! Сейчас, поменялось. Всё! Даже солнце. Палит в девять утра, как в полдень. Зачем тебе живые кролики, Клод?

– М... Я, я.

– *Попробуй*, – фермер достал из корзины очередного кролика и уложил его на стол. – *Еще раз. Только не жмурься.*

Удар оказался точным. Тесак упёрся в стол между головой и жирным телом, оставив на морёном дубе лишь небольшую царапину. Несколько красных пятен расплзались по белому хлопку сорочки Клода.

– *Вот, вот!* – прокричал месье Саджер. – *Они не должны испугаться. Это – вкус мяса. Гладишь, и тут же тесаком. А твои пенки... Пена! Хм. И не выпускать из клетки. Как только кролик уходит из клетки, он перестаёт быть вкусным. Жизнь портит его. Вкус.*

– *Ерунда*, – после удачного убийства Клод позволил себе возразить отцу.

– *Проверь! Перегрызёт сетку или Луи забудет закрыть... Я не ем. Отдаю собакам. Так зачем тебе живые кролики?* – месье Саджер достал очередного кролика из корзины и положил его на стол, призывая сына. – *Руби!*

Клод снова удачно отрубил голову. Ему все больше нравилось убивать. Всё детство и юность Клод боялся отца. Еще сегодня утром. Дело было не в его жестокости. Не в высохшей крови на его клетчатой рубашке. И не в остром тесаке или пике. Овцы, утки, кролики. Их всех, рано или поздно, достают из печи в горшочке. Клод даже не был трусоват. Старшие ребята с перочинными ножами не вызывали в нем желания свернуть с короткой дороги в школу. А вот

отец... Страх возникал при любом его виде, как будто самого маленького Клода опрокидывали на спину. Сегодня, спустя почти четыре десятилетия, это чувство уходило. Оказалось, всего-то нужно – взять тесак в руки.

– *Мой подписчик. Хочет сделать ужин.*

– *И?*

– *Я смогу отдать весь кредит. Он хорошо платит.*

Пожилой человек присвистнул:

– *Он сумасшедший.*

Очередной кролик лишился головы. Весь дальнейший разговор отца и сына прерывался стуком тесака о твёрдый морёный дуб.

– *Он гурман,* – возразил шеф.

– *Так пусть сядет на свой чертов олигархов самолёт и прилетит.*

– *Он... не может уехать из страны.*

– *Мой сын летит в Северную Корею,* – снова зашёлся смехом пожилой человек.

Тесак помогал, он стал скипетром в руках Клода, до этого момента имевшего власть только над аппетитом гостей ресторана. Слова и интонация, ранее не доступные сыну, теперь удивляли его отца:

– *В Австралию, отец, в Северной Корее нет богатых людей.*

– *Нет? Хм. Ты плохо знаешь. Сын... Богатые везде. Мир перевернулся с ног на голову, но только не в этом. Так что?*

Он без ног. У него химиотерапия. В тюрьме? Что этому крестину мешает посетить Францию?

— В тюрьме.

Кролик застыл в воздухе. Фермер успел извлечь из корзины очередного, но смех сковал все его движения. Успокоившись, вернув кролика в корзину, вернув себе голос, он спросил сына:

— Дело не в деньгах. С этим разобрались — ты хочешь больше славы, это понятно. Но зачем тебе живые кролики? — месье Саджер поднял таз с тушками и поставил его на стол. *— Положишь, вот этих, на лёд. За три дня мясо станет только лучше, не мне учить шефа.*

В дело пошел раскладной нож. Фермер извлек его из кармана, провел лезвием по ногтю, удостоверившись, что старый друг все так же остр, и театрально произнес:

— Скальпель.

Лезвие чуть притрагивалось к кролику. Шкурка, будто старый растянутый носок, сползала с мускулатуры убитого животного. Мышцы становились мясом. В руке Клода по-прежнему был тесак. Ему уже не хотелось с ним расставаться. Он позволял спорить с отцом и совсем по-другому реагировать на его смех. Смех был смешным. Не страшным. Он чувствовал разочарование в отсутствии новой жертвы и то и дело посматривал на корзину. На мгновение, не имея фокуса в мыслях, он представил отца, лежащего на спине и ждущего его точный удар. Месье Саджер, если не понял, то почув-

ствовал изменения в сыне.

Клод продолжил разговор:

– *Карантин. Китайская кухня: змеи, еноты, крокодилы. Кролики попали в список*, – Клод говорил с отцом и размахивал в воздухе тесаком, как указательной палочкой перед Красной книгой.

– *Так это ввозить.*

– *И вывозить.*

– *Ты хочешь везти сотню кроликов живыми?*

– *Десять. Дам им имена, куплю ошейники и повезу. Как домашних животных. Десять для одного ужина достаточно. Так я могу рассчитывать на них, отец?*

– *Что это?*

– *Что?*

– *Вот это: «отец»? Я никогда не слышал от тебя*, – родитель подловил момент и практически вырвал из рук сына чудодейственный тесак.

Обезоруженный, шеф-повар с одной звездой гида Мишлен, тот, кого просят приготовить ужин на другой стороне земного шара, платя любые гонорары, тот, о ком пишут в журналах и узнают в парижских ресторанах, тот самый Клод Саджер в 44 года снова стал просто Клодом. Маленьким Саджером-младшим.

– *Прости.*

– *За что? Ты просишь прощения за то, что называешь меня отцом.*

– Да, но... Так что с кроликами? Ты видишь, я могу их убивать. Мясо останется сладким.

Старик решил отмолчаться. Он сделал вид, что вопроса не было. Клод знал, это означало – нет. Оцепенение. Минуту назад ему показалось, первый раз в жизни показалось, что он и месье Саджер... Ему показалось.

– Я закрою кредит за ресторан, – снова мягкость и ватность в голосе шеф-повара.

Это было ошибкой, говорить о деньгах. О чём угодно, но не о деньгах. Здесь у старика было преимущество на голову. Хотя причина смены его настроения лежала далеко за вопросами справедливости в обществе.

– Нет.

– Почему?

– Глупости. Современные глупости. Я продаю крольчатину, а не кроликов. Даже сыну. Иначе всё рухнет. Ты не поймешь, но мир еще держится только из-за того, что французские кролики не летают в Австралию на ужин живыми.

– Но я могу... Я...

Месье Саджер перебил сына:

– Зачем тебе такая машина?

– Какая?

– Такая!

– Ездить.

– Хм. Нет, это нет! купишь на месте. Не такие, как у меня, но кто знает. Может быть, со здравым смыслом в

этой стране проблемы, но с кроликами их точно нет. Они им полстраны съели. Пришло к вечеру мальчишку с мясом. Когда ты летишь?

– Через два дня.

– Тогда прощай. Я тебя обниму, ты всё-таки... Ты молодец. Звезда Мишлен, эта, и... Тесак. Молодец. Но на кроликов живых не рассчитывай, пока я жив, – отец улыбнулся собственной случайной шутке и обнял сына.

Это было похоже на раздачу подарков Сантой. Только в марте. Просроченных сладостей вместо загаданных еще в декабре планшетов и телефонов. Клод даже не злился на отца, в этот момент он уже понимал, что ему придется украсть кроликов.

– Да. Да. Я думаю, я куплю их там, – добавив грусти в интонации, ответил он. – Придется... что-то придется придумать. Я пойду, да. Пусть Луи привезет их завтра утром. Сегодня у меня выходной.

– Пойду, поищу этого зайца, – присвистнув собаке, заявил месье Саджер. – Плохо, если соседи решат, что у меня вырастают кролики, которые умеют бегать. Его наверняка понесло на поля «любительницы супов».

– Ты не...

– Нет! – перебил сына месье Саджер. – Всё, иди!

Уже не оборачиваясь, прихрамывая то на одну, то на вторую ногу, в зависимости от того, какая старику казалось болит сильнее, он потянулся в сторону забора. Спаниель по

кликче Этьен с радостью присоединился к столь любимой охоте на беглецов и быстро взял след.

– Не так быстро, Этьен! Не так быстро.

Софи

Кроличий рай. Короткая сочная трава до горизонта. Выродок, как назвал кролика человек, вырастивший его, скакал до тех пор, пока болело раненое ухо. Но начали болеть лёгкие, и он остановился. Всё-таки он не был зайцем, хотя жира в нем, действительно, было меньше, чем в многочисленных братьях и сестрах. Сил делать новые движения не было. Куда бы он ни поворачивал голову, в его розовых зрачках отражалась только зелень поля. Поля для гольфа. За забором местье Саджера мир был другим. Запущенный сад фермера, где стволы засохших от невнимания пальм и платанов покрывала упругая и пыльная зелень лиан и плющей, сменился идеальным газоном, наброшенным на бесконечные просторы. Ровные холмы, словно раскроенные по лекалам, украшали ухоженные великаны: дубы и кедры. Свист заставил животное приподнять голову. Совсем рядом с неба упал белый шар. Это было ново в его жизни. В кроличьи клетки редко попадают идеально круглые предметы, и уж тем более мячи для гольфа. Спустя десять минут возник совсем другой шум,

но спастись бегством не было никакой физической возможности.

Механизм, наделенный приличным запасом электронов в аккумуляторе, несколькими мощными электрическими двигателями, острыми ножами, кучей процессоров и проводов и даже связью с космосом, остановился перед кроликом. Зеленая лампочка, вынесенная над корпусом на тонкой ножке, словно это глаз краба, сменила зеленый цвет на оранжевый. Через несколько секунд раздался громкий неприятный звук, похожий на звук трещоток. Это был не случайный шум, а алгоритм, модель поведения при встрече с животным, вложенный в программу газонокосилки. Робота-газонокосилки. Все исследования утверждали, что собака, кошка, птица и даже овца должны отойти на безопасное расстояние от предмета, издающего подобный устрашающий звук. Но кролик не уходил. Механизм издал еще несколько различных шумов. Животное не реагировало. У него просто не было сил, да и какой уж тут страх в сравнении с тесаком и человеком в белой рубашке с закатанными рукавами.

Газонокосилка обратилась к собственному мозгу. Он был не здесь. Зачем пичкать приборы мыслями, хоть и примитивными? Это удорожает их стоимость, а главное, не дает возможности развития. Мозг этой машины в этот момент был во многих местах. В огромных залах с серверами в пригороде Шанхая, в ноутбуках сотни тысяч программистов, даже в такой же газонокосилке во Флориде. Да, ещё в про-

цессорах автомобиля, пытающегося без водителя выехать в крайнюю левую полосу, чтобы развернуться на перекрестке в Стокгольме. Можно сказать, сознание газонокосилки «витало в облаках».

Будь рядом прохожий, он наблюдал бы забавную картину. Кролик и машина, в сотни раз тяжелее его, расположились друг напротив друга, не имея возможности сдвинуться с места. У каждого была своя причина, но пауза затянулась. Казалось, мир замер вокруг них. Наконец, искусственный интеллект, взвесив все «за и против», просчитав последствия на десять шагов вперед, прокрутив все известные в сети случаи поломок газонокосилок животными, сложив все страховые выплаты владельцам кошек и собак в похожих ситуациях и сделав еще несколько тысяч расчётов, на которые у команды из инженеров, адвокатов и защитников животных ушел бы минимум квартал, наконец, спустя тридцать шесть секунд после вынужденной остановки, искусственный интеллект принял решения и дал команду на сервоприводы управления. Как ни смешно это звучит, но команда, данная роботу тысячами компьютеров, была вполне «гуманной».

Газонокосилка сдала назад и, объехав кролика в полуметре, легла на прежний курс, оставляя после себя ни с чем не сравнимый аромат свежескошенной травы. «Крабий глаз» снова заморгал зеленым, а в программе управления появилась запись с точными координатами инцидента. Искусственный интеллект обучался и прирастал данными, а кро-

лик наконец почувствовал хоть что-то кроме боли и страха. Его ноздри начали жадно хватать потоки ароматов. Пахла скошенная трава, пахли большие деревья в километре от этого места, даже маленький белый мяч имел свой аромат. Животное с трудом сделало несколько шагов и стало изучать белый костяной шар для гольфа, излучающий приятный, не похожий ни на что запах. Это был «Кюркджан Баккара Руж 450». Пошлый и гипнотизирующий аромат.

Вслед за мячом у двенадцатой лунки появился и человек, ударивший по нему клюшкой. Её звали Софи.

– *Надеюсь, не я попала в тебя?* – спросила двадцатилетняя девушка восьмимесячного кролика на английском языке. Она распознала высохшую кровь на его белой шерсти.

Животное молчало в ответ. Его глаза, похожие на недоспавшую красную смородину, рассматривали девушку. Наконец сострадание победило в Софи брезгливость:

– *Дай-ка, я посмотрю,* – сказала она и взяла кролика на руки. – *Не я. Похоже, тебе досталось от какого-то пса. Составишь мне компанию?*

Кролик ответил: «Да». По крайней мере, он не вырывался из рук.

– *Славно,* – продолжила Софи и раскинула на траве тонкий плед.

– *Не так быстро, Этьен. Не так быстро.*

Месье Саджер разговаривал со своей собакой, медленно

двигаясь за ней под припекающим солнцем. Спаниель то и дело срывался вперед, теряя терпение. Он четко вёл след беглеца, улавливая молекулы, еще недавно бывшие на кролике. Кровь, жир, шерсть и ещё сотни запахов прямой линией вели охотников к двенадцатой лунке. Но прихрамывающий хозяин недовольно свистел и приходилось возвращаться.

– *Не так быстро, пёс, пожалей меня. Вы молодые... Вы спешите. Хм...* – обратился он к собаке. – *Что ты ответишь? Что ты можешь ответить, тебе нужен только этот кролик. Всем нужны кролики. Я выбрал правильное занятие.*

Спаниель визгнул и бросился со всех ног по короткому сочному газону.

– *Стой! Стой, ты куда! Вернись, вернись, я тебе сказал, глупая собака!* — закричал фермер псу, услышавшему слово «кролик» и решившему, что можно снова вырваться вперед.

– *Этьен, негодная собака, ко мне! Я не собираюсь идти в одиночестве.*

Спаниель нехотя остановился и стал дожидаться хозяина, обернув голову в его сторону и выпустив почти до травы свой мокрый язык. Солнце жгло. Оно не делало поблажек ни собакам, ни старикам. Месье Саджер прошёл еще немного и остановился. Затем присел на корточки. Этьен рванул со всех сил к человеку.

– *Ничего, ничего. Сейчас отпустит. Я не из тех, кто умирает на глазах собаки. Прекрати! Стоп!*

Этьен взялся спасать хозяина своим языком, вылизывая человеческое лицо.

– *Отпустило, пойдём. Чудесная слюна, Этьен! Мы бы разбогатели, если бы упаковали её в баночки от таблеток. У тебя на языке, – человек хотел продолжить и сказать «любовь», но постеснялся произносить столь личное слово вслух, – бескорыстное чувство. Но это у собак. Люди требуют взамен! Всегда... Ты думаешь, он хоть раз произнес... Хоть раз написал мое имя, хоть в одном журнале. В своем Инстаграм? Нет! Только: «ресторан Клода Саджера», «кролик Клода Саджера». Да, это и моё имя. Но! Но он пишет... Жирными буквами между строк – «младшего». Я умею читать между строк! Это жирные буквы. И вот теперь он ещё вздумал сам их убивать! Где ему заблагорассудится. В Сиднее или Токио. А я? Что мне? Гладить их и кормить. Вот, что мне остаётся! Гладить и кормить или... Или снова браться за камеру.*

Кролик спал, прижавшись к ногам Софи. Мир стремительно наполнял его мозг. Вот теплое человеческое тело, мягкое и нежное. Совсем не похожее на шершавые руки, кормившие и трепавшие его за уши всю предыдущую жизнь. И аромат. Пьянящий аромат. В нем был ладан, грейпфрут, амбра, ваниль и еще много чего. Узнать эти оттенки сложно даже повидавшему мир человеку, что говорить о кролике, никогда прежде не покидавшем своей клетки.

Знаем ли мы, что снится животным? Как выглядят их сны? Нет. Но позволим себе представить. Например, – клетка. А в ней собаки. А вот кролик без ушей. Человек пытается его взять, но не может. Брать не за что. Вот – шаги и знакомый голос человека с шершавыми руками: «Этьен, нельзя. Иди сюда, сюда!»

– *Этьен!* – переходя на хриплый крик, прокричал собаке месье Саджер. – *Здравствуйте, мадмуазель! Похоже, Вы приютили моего кролика.*

Дремота еще не прошла. Перед девушкой стоял разрушенный временем и собственным эго пожилой человек. Почти старик.

– *Кролика,* – повторил месье Саджер тихим, чуть дрожащим голосом. – *Вот этого беглеца, который прячется под вашими ногами. Я ваш сосед. Саджер. Фермер... Как раз выращиваю кроликов.*

Он узнал дочь своей новой соседки. Софи была слишком похожа на свою мать. Которая... Марго была одной из причин бегства его супруги – мадам Саджер. Единственно, – волосы. Здесь они были ярко-рыжие. Девушка застала сердце старика врасплох. Но он быстро собрался с силами и опустил занавес на воспоминания. Железный занавес.

– *Месье Саджер! Здравствуйте. Я Софи. Дочь Маргариты Каро. Мама говорила, что вы знакомы. Это наш гольф-клуб. Мы вернулись во Францию,* – Софи говорила по-французски с сильным акцентом.

— Почти год, знаю. Вы похожи на Марго... Я нарушил границы, это очевидно. Но у меня была причина, — фермер кивнул в сторону кролика, стараясь не задерживать взгляд на стройных оголённых ногах девушки. — Если Вы не против, я заберу кролика и вернусь в свой пыльный мир.

— Вы неверно поняли. Я не прошу вас покинуть территорию клуба. Я уже решила оставить его себе. Даже дала имя, — Софи на несколько мгновений задумалась, перебирая имена в голове, — Ли.

— Ли-и... Хм... Странное имя для прованского кролика. Но думаю, Вы не совсем понимаете. Мой кролик... Ли. Ли, это... он относится к мясной породе. У неё нет названия, но это я вывел её. Это очень вкусное мясо. Я хорошо знаю кроликов, мадмуазель. Изучил за почти двадцать лет. Как и людей. Я раньше много катался по свету. Фотографировал. Так вот, кролики... Бывают декоративные, таких можно хоть в... — фермер подбирал слова. — Они маленькие и добродушные. Таких можно носить в сумочке, брать на выставку или в бар. Эти же, они агрессивные. Могут укусить. Или испортить мебель.

— Я понимаю. Но вы ведь убьёте его. Да?

— Да.

Софи не ожидала столь прямого ответа и не знала, как продолжить разговор. Задавая вопрос, она ожидала другого. Что-то вроде: «Нет-нет, не сейчас. В своё время» или «Пусть живёт, раз уже смог сбежать». Легкий водевиль с пушистым

питомцем вдруг исчез.

– *Но если Вы хотите, Вы можете оставить его себе. Кролики теряют вкус, если хоть раз вырываются на свободу. Я сегодня говорил это сыну,* – продолжил пожилой человек.

– *Вашему сыну? Он ведь шеф?*

– *Да! Он получил звезду. Теперь он шеф со звездой,* – в словах фермера проскочила то ли гордость, то ли зависть.

– *Я слышала, да. Мне говорили, люди теперь приезжают в наш клуб ради его кухни. Поздравляю!*

Теперь месье Саджер растерялся. До его носа добрался сладкий, едкий, чарующий аромат. «Ради его кухни. Ради его кухни. Ради его кухни» – колоколом забило в его голове. Ком ревности подкатил к трахее, перекрывая дыхание.

– *Он стал известным. Я пойду, мадмуазель,* – оборвал диалог фермер и развернулся. И уже не оборачиваясь:

– *Этьен!*

Забыв о хромоте, он удалялся. Прочь от мира! Прочь от молодости, красоты, идеальных газонов и этого удушающего, лживого и возбуждающего аромата, стоявшего вокруг Софи.

– *Этьен!* – строго, не терпя прекословия, повторил фермер собаке.

Этьен не верил. Как же так? Ведь вот он – беглец. Пёс уже представлял, как тянет кролика за шею домой. Так было много раз. И устав нести, почти у самого дома, он согласится отдать хозяину безжизненное тело.

– *Этьен!* – прикрикнул старик собаке, уже изрядно удалившись.

Спаниелю не осталось ничего, как попрощаться с мыслью о пульсирующих венах в его пасти. Он еще раз взглянул на кролика и бросился догонять хозяина.

– *И что мне с тобой делать, Ли?* – спросила Софи своего нового знакомого.

Кролик отозвался. Он повернул голову и уставился своими розовыми глазами на девушку. В этот момент случился главный момент в жизни нашего героя. Ли понял, что он... Ли. Согласно теории месье Саджера, мясо кролика стало менее вкусным.

– *Заедем к ребятам? Я покрашу тебя в розовый. И не думай, что ты будешь спать у меня на кровати. Мама удивится. Потерпит. Только не пробуй на зуб всё что попало. Иначе вернёшься в первый же вечер. Обрати к этому старику.*

Марго

Скрипя и явно против своей воли, старые ворота распахнулись. У входа в дом месье Саджера стояла Маргарита Каро – мать Софи. У неё на руках сидел розовый кролик. Хозяин дома открыл сам. Его молодой помощник – Луи – возился с

мясом в глубине двора, перекладывая сухим льдом тушки в пенопластовых ящиках.

– *Я возвращаю беглеца.*

– *Прошло менее двух суток, мадам, с того момента, как сбежал этот кролик, — чуть погодя, ответил месье Саджер, собрав мысль в предложения. — И около двадцати лет, как... Как ты.*

– *Время, — ответила женщина.*

– *Да. Время, верно. И если кролик изменился, то ты нет.*

– *Не льсти.*

– *Я о сущности. Проходи, сварю кофе, — наконец пригласил пройти на свою территорию месье Саджер.*

Сердце месье Саджера ускорило ход, когда женщина сделала первые шаги по его заброшенному саду. Сердце же Ли затряслось еще на подъезде к ферме, как только он почуял знакомый запах. Но теперь, услышав хриплый голос старого хозяина, он начал ёрзать в руках Марго, стараясь высвободить задние лапы из её рук.

– *Ты ведь знаешь, что я уже год живу через забор.*

– *Знаю.*

– *Почему не приходил? — спросила Марго, с трудом удерживая в руках кролика.*

Фермер промолчал в ответ. В свои сорок четыре она оставалась красивой. Достаточно красивой, чтобы снова разрушить спокойствие в этом доме. Месье Саджер забрал из её рук Ли, который уже принял решение – бежать при любой

возможности. Шершавые, грубые ладони фермера снова тисками сдавили его тело.

— *Его не узнать, только по уху. Клод промахнулся тесаком.*

— *Что значит тесаком?*

— *Это ферма, я производжу крольчатину.*

— *Я знаю.*

— *Как, по-твоему, кролики превращаются в крольчатину?*

— *Наверное, есть сотни способов убить животных. Но не рубить же их в двадцать первом веке? Ужас. Клод рубил кроликов?*

— *Рубил.*

— *Клод? Маленький Клод?*

— *Клод. Похоже, он вырос, только когда взял в руки тесак. Понадобилось четыре десятка лет.*

— *Я удивлена.*

— *И я. Что мне с ним делать?*

— *Отпусти, пора уже.*

— *С кроликом. Ты ведь принесла его не для того, чтобы сделать гуляш.*

— *Гуляш?*

— *На большее он не годится.*

— *Он милый. Но на его счету стул, на котором сидел испанский король. И две китайские вазы, пока мы пытались его поймать. Подержи у себя, пока она не вернётся. Я обещала не выбрасывать и не отдавать. Но держать в доме...*

Невозможно.

– *Поэтому ты пришла?*

– *Да, – женщина плохо врала.*

– *Где Софи?*

– *В кабриолете, – с усмешкой, сменив настроение, ответила Марго. – Бросила мне это животное и сбежала.*

– *Сколько ей лет?*

– *Двадцать.*

Месье Саджер на несколько секунд задумался и понес кролика в клетку.

– *Сейчас отнесу парня в его родной дом и сварю кофе, – не оглядываясь и громко сказал он. – Это не ново в вашей семье.*

– *Что?*

– *Сбежать.*

– *Ты стал стар. Выращиваешь кроликов, – сказала вполголоса Марго, зная, что оппонент не слышит её. – Что-то ест тебя изнутри, раз ты так постарел. И не говори, что это я.*

– *Так сколько ей? Двадцать?* – спросил месье Саджер, неся в руках поднос с кофе. – *Сейчас всё изменилось. Чтобы сварить хороший кофе, нужно нажать одну кнопку и подождать меньше минуты. Но в старости... Это даже хорошо. Каждая минута – на счёт.*

– *Не занимайся математикой. Она не твоя дочь... И не*

твоя внучка.

– Ты такая же, Марго! Кто отец?

– Австралиец. Я разбавила её гены, тут вокруг были все сумасшедшие, включая меня. Кофе так себе. Когда ты варил сам – было лучше, – отхлебнув из чашки, заявила женщина.

– Когда я варил сам, я был моложе.

– Ты твердишь о старости! Что с тобой?

– Мне шестьдесят шесть.

– Это не ответ.

– Месье Саджер, – крикнул Луи, – звонит месье Кошмар, говорит, уже едет, будет через двадцать минут. Ему нужно еще четыре штуки. У меня здесь только четырнадцать, а он просит восемнадцать.

– Не может убить, сколько ни просил. Буддист. Мне нужно пятнадцать минут.

– Я подожду, иди, – сказала Марго. Она хотела убедиться, что розовый кролик не станет предметом отмщения. Месье Саджер уловил ход её мыслей:

– Ли не в списке, я обещал.

– Ли?

– Это его имя. Твоя дочь его так назвала.

Марго заговорщически улыбнулась.

– Что? – видя её реакцию, продолжил месье Саджер. – Какой-нибудь бывший?

Марго не ответила, зная цену женскому молчанию, когда

речь идет о мужчинах.

– *Я подожду. Хочу посмотреть. Ты и кролики – это странно. Когда тебе пришло это в голову? Ты стал отшельником, это ещё более неожиданно,* – сменила тему женщина.

Месье Саджер не ответил, он был уже у клеток с кроликами, быстро принимая решения, выбирая из множества. Тех, чья жизнь переставала стоять, а смерть можно было продать. Марго решила увидеть процесс поближе. Она встала, глотнула кофе, который ей не нравился, и подошла к месту действия.

Снова плетёная корзина. Старый стол, выдавший многое, и тесак.

– *Тебе не противно? Я буду убивать их.*

– *Я многое видела,* – ответила Марго и подошла к столу еще ближе.

– *Если их ударить спиной о поверхность, они перестают чувствовать боль.*

– *И страх?*

– *Это и есть страх... Инстинкт. Еще от зайцев. Когда их догоняет и опрокидывает хищник,* – фермер достал из корзины кролика и ударил спиной о стол. Затем убрал руку. Кролик не двигался. Месье Саджер вытянул и расправил уши по столу мягким движением, как бы поглаживая... и резко махнул другой рукой. Марго вздрогнула и оцепенела. Половина ушей оказалась отрезанной. Медленно вдоль лезвия потекла кровь.

– *Возьми их*, – почти приказал женщине мужчина с тесаком в руке.

Она послушно взяла верхушки ушей.

– *Видишь*, – продолжил он, – *ему не больно. Он не шевелится.*

Месье Саджер вложил в руку Марго тесак, немного обняв её сзади. Она подчинилась. Он даже ничего не сказал. Она махнула рукой. На одну жизнь стало меньше чуть раньше, чем было запланировано природой.

– *Дальше ты сам*, – Марго отвела окровавленный тесак в сторону, прося этим движением забрать оружие. У неё кружилась голова.

– *Это возбуждает, правда? Тебе ли не знать.*

Месье Саджер повернул Марго к себе и поцеловал. Она не ответила. Не сопротивлялась, но и не отвечала. «Он стал стар и зачем-то разводит кроликов. От него пахнет кроликами и смертью. Нет, не так... Смертью и кроликами. Пора», – подумала женщина.

– *Мне пора.*

– *Да. Пора*, – чуть замешкавшись, ответил мужчина. Кажалось, он был не здесь.

Ночь

В наступившей ночи розовый цвет, без света солнца или фонаря, ничем не отличается от черного или серого. А фонарь вор не включал. Этьен, узнав месье Клода Саджера младшего, лишь пару раз приветственно пискнул. Луи уже два года, как не ночевал на ферме. С тех пор, как его семья перебралась целиком во Францию, ему приходилось приглядывать за младшими братьями и сёстрами, пока мать работала в ночную смену.

Клетка за клеткой, почти на ощупь... Шеф укладывал кроликов в большой кухонный контейнер. Ли почувствовал знакомый запах и забился в угол, ожидая боли в ухе. Человеческие руки мягко обняли его и переложили в ящик к близким и дальним родственникам. Крышка то и дело открывалась, но ни один из кроликов не пытался спастись. Возможно, небольшое продление их жизни было в этом пластиковом контейнере с проделанными наспех отверстиями. Но, скорее, животные подчинялись своим инстинктам.

Семнадцать километров по ночной горной дороге, поворот за поворотом. Низкая спортивная машина цеплялась новыми шинами за асфальт и гравий. Клод и не думал сбавлять скорость. Еще не упавший после вылазки на ферму отца пульс стучал по сосудам и требовал скорости, громкой музыки и адреналина. С каждым поворотом руля Ли прижимало то к одному, то к другому соседу по неволе. Наконец машина остановилась. Это был ресторан Саджер. Каменное здание бывшей железнодорожной станции Коле девятнадца-

того столетия. Уже знакомая Ли рука пошарила в корзине, выхватив за уши первого попавшегося кролика. Первым попавшимся был Ли. Шеф зашёл на собственную кухню, держа жертву за уши. Ему хотелось быть полностью готовым к путешествию. Он искал подходящее орудие, что-то похожее на тесак отца, а главное, хотел удостовериться, что сможет снова убивать.

Сказать удивлён – ничего не сказать. Почти минуту человек смотрел на кролика, не в силах поверить своим глазам. Для принятия решения ему понадобилось в два раза больше времени, чем газонокосилке. «Нужно отнести в другое освещение! Это просто флуоресцентная лампа!» – наконец подумал гомо сапиенс. Но при свете торшеров, при свете коридорного дежурного освещения, даже в туалете, кролик оставался розового цвета.

Подходящего орудия не нашлось. Всё-таки мясо в его ресторан привозили в подготовленном виде. Ножи, даже самые тяжелые, не годились, они были длинные и неудобные для гильотинирования живого кролика весом в шесть килограммов. Шеф вспомнил о пожарном топорике в зале...

Неуклюжим движением он ударил кролика о металлический стол. Но тот и не думал покорно лежать. Вскочил, спрыгнул со стола и забился между холодильниками.

– Слабо!

Полчаса ушло на его поимку. Теперь шеф узнал «старого клиента», точнее – его раненое ухо:

– *Старый знакомый! Что с тобой случилось? Или кролики от страха не седеют, а розовеют?*

Клод Саджер снова приготовился уложить животное на спину. Ли смотрел на него странным понимающим взглядом. Взглядом, в котором были страх, покорность и чуть...чуть чего-то большего. Чего в принципе не должно было быть во взгляде кролика.

– *Ладно, попробую с другим. Старик прав, ты выродок. Другие лежат и не шевелятся.*

Ли снова оказался в коробе. За уши вытянули другого. И «другой» уже не вернулся. Топорик подошёл. Рука справилась. Кроликов осталось десять.

Сержант

Утром у ворот фермы припарковалась полицейская машина.

– *Какова сумма ущерба?* – спросил сержант.

– *Семьсот семьдесят евро,* – неохотно ответил месье Саджер.

– *Одиннадцать кроликов? Как? Я покупаю на рынке по семь евро за кило. И это не больше пятнадцати за тушку.*

– *Продолжайте!*

– Что продолжайте?

– Покупать.

– Но почему ваши стоят так дорого? Они танцуют на тарелке? – с сарказмом спросил сержант.

– Это бессмысленный разговор. Вы любите поговорить, а мне нужна справка, что моих кроликов украли. Какая у вас зарплата?

– Это личный вопрос, – ответил полицейский после небольшой паузы.

– Вы же возмущаетесь стоимостью моих кроликов. Вот страховщики хорошо зарабатывают! Они ходят в приличные рестораны и знают, почему кролики месье Саджера стоят по семьдесят евро за штуку.

– В ресторане?

– В ресторане минимум две сотни. Наверное. Я не лезу в финансы сына. У меня он покупает по семьдесят. И это написано в контракте со страховой компанией.

– Кто же мог украсть бесценных кроликов? — не мог угомониться полицейский, его душа была красна, как флаг коммунистической партии. Справедливость – вот чего не хватало людям и вот что привело его в полицию.

– Тот, кто в этой стране ворует.

– Эмигранты?

– Это Ваши слова.

– Зачем?

– Вам решать – вы полиция.

— Я разберусь и найду ваших кроликов.

— Не надо.

— Что не надо?

— Сержант. Месье...

— Споки.

— Месье Споки, мне нужна справка для страховой компании.

— А кролики?

— У меня их еще восемь сотен. Я убиваю в среднем пять штук каждый день. Сто в месяц. Я режу на затвор камеры нажимал. Но дарить восемь сотен я не намерен. Я плачу... Приличные деньги страховой компании.

— Значит, их крадут? Раз вы их страхуете от кражи!

— с интонацией победителя спросил и сделал заключение сержант.

— Вы... — фермер хотел сказать «идиот», но сдержался. — Они могут умереть от вируса, паразитов, бактерий. Один или все сразу. Ферма может сгореть. Может пролететь самолёт и сбросить химикаты вместо соседнего поля на мой дом. Чёртов гольфист за забором может попасть в его голову мячом и убить. Я плачу страховщикам чуть ли не четверть своей прибыли! Я могу попросить вернуть мне восемь сотен, если слово «украли» прописано в контракте! Черт побери! — сорвался на сержанта месье Саджер и уже совершенно спокойным голосом добавил:

— Кофе?

– Да.

Месье Саджер принес кофе, и оба мужчины уселись за большой дубовый стол.

– Как вы их убиваете? – спросил сержант, отхлебнув кофе.

– Хотите посмотреть, – констатировал фермер.

– Нет. Достаточно слов. Током?

– Вот этим тесаком отрубая им головы, – фермер кивнул в сторону лежащего на столе тесака. – Видите мелкие царапины на столе?

– Да.

– Это крепкое дерево. После каждого раза остается только вот такая мелкая царапина. Я всегда делаю это в новом месте, чтобы стол был равномерно... Чтобы он оставался красивым.

– Да... Я подумал, это такой дизайн.

Сержант убрал чашку с блюдцем со стола и стал держать их в руках. Это не ушло от внимания месье Саджера.

– Это и есть дизайн. Красиво, верно?

– Не знаю, я далёк от искусства. Вы ведь были известным фотографом. Я навёл справки.

– И что?

– В полиции нужно быть немного психологом, понимаете?

– Нет.

– Кажется странным. Фотограф, потом фермер. С человеком должно что-то случиться. Для таких перемен. Ва-

ша супруга так и не нашлась?

Фермер демонстративно не ответил. Но внутри него было с десятков ответов. И при каждом у сержанта вырывали бы ноготь. При всей внутренней силе и внешнем спокойствии ненависть просачивалась сквозь его зрачки. Возможно, потому что они были расширены.

– Не жалко? – после небольшой паузы решился продолжить разговор полицейский.

– Нет. Хотите попробовать?

– Вряд ли.

Месье Саджер резко встал и подошел к клетке, достав первого попавшегося кролика.

– Берите тесак. Смелее!

Словно приклеенный, кролик уже лежал на столе. Сержант взял в руки оружие.

– Почему он не убегает?

– Они дрессированные, – серьёзно заявил месье Саджер.

– Шутите! Вы взяли первого попавшегося. Нельзя дрессировать восемьсот кроликов одновременно.

– Инстинкт. Когда чуть ударишь их спиной. Я рассказываю уже третий раз за два дня. Мне становится скучно. Будете убивать или нет?

– Нет. Как? Он смотрит на меня. Я не понимаю, как это вообще можно делать? Таким варварским способом.

– Ему не больно. Раз – и всё!

– Ему, да, наверное. Как я должен себя после этого чув-

ствовать?

– Узнаете.

– Мне кажется, Вы не поймёте, о чем я говорю.

– Почему не пойму? О сострадании. О жизни. Прерванной жизни.

– Вы маньяк!

– Фермер.

– Бессилие? – сержант перешёл на другой тон, тон человека с пистолетом на боку. Справедливость была отложена в сторону, конфликт разгорался.

– Верните мне тесак, пожалуйста.

– Его бессилие. Думаю, дело в этом. Вам это нравится!

– Верните тесак!

– Я куплю этого кролика.

Сержант полез в карман за кошельком. Тесак мешал его рукам, и он положил его на стол.

– Вот, пожалуйста, семьдесят евро.

– Я не продаю кроликов, – фермер растянул уши кролика по столу, демонстрируя всем своим видом, что он уже решил судьбу этого животного. – Это кролик, я убиваю их по сотне в месяц.

Защитить. Защищать. Рука сержанта потянулась к кобуре. Фермер заметил это инстинктивное движение руки оппонента и взял тесак со стола. Ситуация стала смахивать на вестерн.

– Бросьте, не сравнивайте жизнь человека и кролика.

– *Продайте его мне. Я заплачу вам сто евро! Вы же не собираетесь сделать это лишь назло?* – голос человека в форме дрожал и пальцы касались ручки пистолета.

Легкий свист. На столе образовалась очередная засечка. Кролик был мертв.

– *Я мог убить Вас,* – на выдохе сказал полицейский. Его голова кружилась.

Лапа кролика несколько раз дернулась.

– *Я не продаю кроликов. Только крольчатину,* – спокойно, без эмоций, ответил месье Саджер.

– *Я куплю эту.*

– *Хорошо. Семьдесят евро. Я сниму шкуру.*

– *Можно попросить не разделявать?*

– *Тогда шестьдесят пять.*

Полицейский отсчитал деньги.

– *И голову?*

– *Что?* – не слыша своего голоса, спросил сержант.

– *Голову? Положить в пакет? Вы ведь собираетесь его хоронить?*

– *Да, положите.*

– *Пора прощаться. У Вас еще есть вопросы?*

– *Вор будет наказан, не сомневайтесь.*

– *О! Я верю в это!*

Мистер Конго

Ровно в девять тридцать утра дверь микроавтобуса зажуужала электроприводом. В проеме черного мерседеса показались два человека. Клод Саджер младший и его помощник – Меган. Последний являлся подающим надежду су-шефом на службе в ресторане Саджер. Рыжая борода, грузное тело викинга и татуировки в стиле норвежских саг выдавали в нем чужака в этой стране. Он был скандинавом. В начале двадцать первого века быть шефом-скандинавом было, пожалуй, почетнее, чем в начале двадцатого являться норвежцем-полярником. Меган был финном, и его французский желал лучшего даже после трех лет на кухне Саджера. Первым из автомобиля вышел шеф. Перед ним, переливаясь отражениями в стеклянных фасадах, красовался аэропорт Ниццы.

– Меган, ты за тележкой, пожалуйста. Я буду их выгружать. Месье, вы поможете мне?

– Да, да! – с радостью ответил водитель.

Чернокожий мужчина пятидесяти лет взялся помогать шефу доставать клетки с кроликами.

– Я... Я, – наконец решился сказать водитель, – Ваш фанат. Я много путешествую, по работе. Часто летаю. Это я сейчас водитель, заменил брата, а так я кедди. Я работаю с Аланом Монтаже. Ношу его клюшки.

– Да, я понимаю, кедди. Я раньше играл. Правда, это давно.

– Профессионально?

– Нет, но достижения были. У нас за забором гольф-клуб, и полдетства я провёл там.

– «Мутон»?

– Да. Раньше он назывался «Семь кедров». А ваш Алан, он?

– Он двести двенадцатый в мировом рейтинге. А был даже в сотне. Какие они необычные! — переключился на кроликов водитель.

Клетка за клеткой оказывалась на тротуаре.

– Я два раза ел их в вашем ресторане. До звезды и после.

– Понравилось?

– Прекрасно.

– И когда лучше?

– Не скажу, что после было вкуснее. Но дороже, это точно.

– Обслуживать ресторан со звездой – совсем другое дело. Это стоит дороже.

– Понимаю. У чемпионов всё дороже, клюшки, отели и кедди.

– Да, это так, – не хотя обидеть, но и не желая вступать в дальнейший диалог, ответил своему почитателю шеф.

– Я видел их только на тарелке, — нагнувшись и заглянув в клетку к Ли, сказал водитель. – Не думал, что они могут быть розовыми. Розовые самые вкусные, – пошутил водитель.

– *Редкий случай*, – ответил шеф, глядя на клетку с Ли. У него не было настроения болтать. Его мысли были уже на таможненном контроле аэропорта. Он не спал всю ночь, и сейчас его тело охватило волнение.

– *За ваших кроликов не жалко двести сорок евро. Я знаю толк в ресторанах. Иногда месье Монтаже меня угощал, когда хорошие призовые. Да и сам! Но всегда только в ресторанах со звездой. Или с рекомендациями. Это его – спустать деньги на кухню. Вообще – спустать деньги. Моя жена меня не понимает, говорит, я оказался хорошим учеником у дурного учителя. Я в этом плане больше француз, чем она! Спросите меня! Я знаю все рестораны с тремя звездами в мире. Хотя приехал из Конго. Там собирал кокосы, а здесь! Здесь мячики для гольфа, – водитель громко и добродушно засмеялся, изобразив пантомимой, как он лезет по пальме и трясёт её.*

– *Вы подняли мне настроение*, – слегка посмеявшись, сказал шеф.

– *Спасибо месье, я расскажу это детям. Жене лучше не говорить. Она лет десять ест только пророщенное зерно и злится при любом упоминании ресторанов. Можно с вами сфотографироваться?*

Шеф подошел ближе к полному чернокожему добряку, показывая, что он не против совместного фото.

– *Меган, сними нас*, – Клод Саджер младший подозвал катящего тележку коллегу.

После совместного фото клетки с кроликами стали закреплять на тележке. Влезло только шесть.

– *Я помогу! Только отгоню машину на стоянку,* – видя проблему, отозвался помочь с поклажей водитель. – *У Вас ещё чемодан.*

– *Спасибо, как Вас зовут?*

– *Мистер Конго, называйте меня так. Это кличка, но я ею горжусь.*

– *Спасибо, мистер Конго, я приму вашу помощь!*

Мистер Конго почти полетел. Он прыгнул в мерседес, и через несколько секунд автомобиль скрылся из виду. Это был счастливый день в его жизни.

– *Возьми розового на руки, большие шансов,* – сказал рыжий бородач.

– *Как мы его назвали?*

Меган достал из клетки Ли и отвернул его ошейник.

– *Поки.*

Так Ли стал Поки.

– *Остальные почти одинаковые. Если хочешь, давай повторим имена,* – предложил Меган.

– *Это, скорее всего, Джордж. Вот тот – Барак. Теодор. Джсек.*

– *Здесь написано Гарри,* – сказал лейтенант, отвернув ошейник кролика, на которого указывал шеф.

Трое мужчин с десятью кроликами стояли на пункте до-

смотра животных. Позади скопилась небольшая очередь, поскольку с пропуском подопечных шефа возникли проблемы. В очереди были разные животные, но всех их объединяло то, что на десятикилометровую высоту они собрались не по своей воле.

Пункт был один, офицер, проверяющий бумаги, тоже был один. Пассажиры нервничали, собаки лаяли, кошки спали в своих клетках. К счастью, необычными были только кролики. Попугаи, еноты, козы, рыси и змеи в это утро отсутствовали.

Спор лейтенанта и месье Саджера был громким, и слова долетали до соседей по очереди. Лучше всех слышала происходящее девочка восьми лет. Она с совершенно новым для неё чувством ожидала, когда её большого друга, пса по имени Маус, осмотрят и разлучат с ней на долгих двенадцать часов полета. Это был их первый совместный полёт. Маус стоял рядом, то и дело поглядывая на надетые на него памперсы. Но он слишком любил девочку, чтобы оспаривать эту странную одежду. Отец Ши, а так звали маленькую хозяйку пса, стоял чуть позади. Его, как и большинство людей во круг, волновал только экран телефона.

– Я не могу помнить их по именам, они почти одинаковые. Эти ошейники лишь для паспортов. Они же должны пересекать границу под собственным именем. У каждого своя прививка и своя... кардиограмма, – в начале конфликта шеф даже пытался шутить.

– Как Вы называете их дома?

– Дома они просто милые кролики, которых я люблю без имени. Я называю их: шалун, трус, бродяга, Марго. Как придет в голову. Только Поки всегда Поки, – доказывал шеф свою правоту, поглаживая розового кролика на руках.

Поки не сопротивлялся рукам и ласкам. За последние два дня он привык откликаться на имя Ли и еще не понимал, что теперь нужно оглядываться и поднимать уши, вставать на задние лапы и дружелюбно кряхтеть, когда люди произносят слово «Поки». Человек, поранивший ему ухо, оказался не страшным. Он кормил его из пакетика самой вкусной едой в его жизни и время от времени брал на руки.

– Вы хотите мне сказать, что шеф-повар, готовящий лучших кроликов во Франции, везет десять живых кроликов в Австралию, потому что он с ними живет и они его домашние питомцы? – тон офицера был спокойным и недружелюбным.

– Именно!

– Человек, который каждый день маринует, тушит, набивает чесноком их тушки. Такой человек живет с кроликами дома и кормит их с мисочек молоком.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.